

Таким образом, мы обнаруживаем, что противоречие в «Уставе» Иосифа Волоцкого, отмеченное В. А. Рыбаковым, — противоречие между принципом «общежития» и системой различных категорий для монахов, характерно именно для второй, минейной редакции «Устава». Для первой редакции типично преобладание первого принципа — «общежития» и связанной с ним нестяжательности. Особенно ярко этот принцип проводится как раз в том «слове», которое было удалено из минейной редакции, — в слове «о святых иконах и о книгах».

Пятое «слово» краткой редакции «Устава» Иосифа — «сказание от божественных писаний о святых иконах и о книгах, како есть должно имети» — представляет собой памятник, провозглашающий принцип личного нестяжания монахов в его наиболее крайней форме — в форме отказа от всякой индивидуальной собственности. Монах не должен владеть даже такими благочестивыми и невинными вещами, как святые иконы и книги. Характерно, что для обоснования этого положения Иосиф Волоцкий обратился даже к авторитету, который обычно использовали его враги — еретики: к евангельской проповеди всеобщего равенства. Он напоминал читателям евангельские слова Христа: «Всяк от вас, иже не оставит всего своего, не может быти мой ученик».¹ Именно потому, что этот принцип провозглашен в Евангелии, евангелие не может быть предметом собственности, и Иосиф приводит притчу о монахе, продавшем имевшееся у него «единое евангелие» и раздавшем нищим полученные деньги со словами: «Продах глаголющее ми присто: Продай же имение свое и даждь нищим».² Этому добродетельному монаху противопоставляется другой — владелец целой библиотеки, сложенной по обычаю того времени на подоконнике его кельи: он обвиняется в том, что сложил «во оконци» то, что следовало раздать ради вдов и сирот. «Аще хочешь жити в общем житии, да отречешися всякыя вещи, да не имаши власти ни над чашею, и тако можеши в общем житии спастися».³ Принцип монашеского «общежития» совпадает, таким образом, здесь с принципом полного нестяжания.

Такая постановка вопроса в краткой редакции «Устава» Иосифа не была абсолютной новостью в истории русского монашества. Принцип полного нестяжания, полного отсутствия всякой собственности, естественно вытекал из идеи «евангельской нищеты» и «ухода из мира»: принцип этот провозглашался уже на заре развития русского монашества — в греческом студитском уставе, принятом в Киевском Печерском монастыре в XI веке.⁴ Несколько раз в истории русского монашества (обычно в периоды общественного подъема) идеологи церкви пытались вернуть монастыри к наиболее суровому и ригористическому толкованию этого принципа; однако в другие периоды те же церковные идеологи не только практически допускали, но и официально разрешали «особножитие» и частную собственность монахов.

Таким образом, хотя принцип полного личного нестяжания вытекал теоретически из идеи «ухода из мира», он не был, однако, обычным и обязательным явлением в истории русского монашества. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить краткую редакцию «Устава» с минейной редакцией, а также с другими сочинениями Иосифа. Минейная редакция не только не содержит столь резкого запрещения личной собственности, но явно исходит из представления о монахах, имеющих

¹ Сол. 346/326, л. 27. См. ниже, стр. 138—140.

² Сол. 346/326, л. 25 об.

³ Сол. 346/326, л. 26.

⁴ Ср.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, вторая половина. М., 1881, стр. 498—537.